

щенном столетнему юбилею Тагора. «Полторы тысячи любителей литературы собрались, чтобы отдать дань уважения перу поэта из далекой страны и посеять семена дружбы».

Но не только Тагор близок сердцу советского читателя. Книги Аббаса, Джафри, Ананда, Чандара и десятков других писателей современной Индии переводятся на русский, узбекский, таджикский и остальные языки Советского Союза.

Амрита Притам сумела передать в своих письмах безграничность новых жизненных возможностей, порожденных социализмом. Советские люди пленили ее жизнелюбием, искренним желанием трудиться на благо своего народа. «Прцветание человека труда является величайшим успехом советского государственного строя», — подводит итог своим наблюдениям над самыми различными сторонами жизни нашей страны поэтесса.

«Моя проза никогда еще не пересекала дорогу моей поэзии», — сказала как-то Амрита Притам. В «Окнах и окошках» поэзия и проза соединились.

Название книги символично. Символику его Амрита Притам раскрывает в предисловии: окна окошки двух соседних домов, двух дружественных стран — Индии и Советского Союза — открыты для добрых соседей. Это название, как и все содержание книги, противостоит лживым утверждениям реакционеров о «железном занавесе», якобы скрывающем жизнь советского человека от взоров всего мира.

Книга Амриты Притам перекликается со знаменитыми путевыми заметками Тагора, посетившего Советскую страну в 1930 году. Как и в тагоровских «Письмах о России», в письмах Амриты Притам убедительно передано движение новых людей, по зову революции вышедших на авансцену истории.

Индийская критика высоко оценила книгу. Делийский журнал «Арси» (октябрь 1961 года) считает «Окна и окошки» лучшим путевым очерком на пенджаби.

«Хотя мои письма написаны моим детям, но предназначены они не только для них. Два детских имени, обозначенных на конверте, — это только символ, форма обращения к тысячам детей, — говорит Амрита Притам в предисловии. — Издав эти письма в форме книги, я словно опускаю в почтовый ящик письма, адресо-

ванные тысячам детей моей страны».

Предназначенные сначала только для двух маленьких пенджабцев письма из Москвы и Самар-

канда, из Ташкента и Баку стали важным фактором творческой и общественной биографии Амриты Притам.

И. РАБИНОВИЧ

ВСТРЕЧИ У ЭКВАТОРА

ТАК называется талантливая книга советского врача Николая Никитича Китьяна, побывавшего в Эфиопии. Автор книги три года работал хирургом в советском госпитале Красного Креста в Аддис-Абебе. Много ярких страниц посвятил он самоотверженному труду советских врачей в Эфиопии, их борьбе не только за жизнь и здоровье людей, но и против вековых предрассудков, отсталых традиций, веры в знахарей.

Н. Китьян, однако, не замыкается в рамках чисто профессиональных интересов. Он изучает амхарский язык, совершает поездки по стране, знакомится с жизнью и бытом ее населения, любит ее своеобразием местной природы. Герои книги — люди труда. Автор «Встреч у экватора» описывает их с большой теплотой и сочувствием. В то же время он с беспощадным сарказмом изобличает «рыцарей колониализма», все еще не желающих покинуть страну.

Выразительно озаглавленный очерк «Хищник» повествует о старом итальянце, бывшем контрабандисте и работоторговце, а ныне владельце магазинов и десятка тысяч гектаров земли. Будучи уже дряхлым и больным, «хищник» судорожно цеплялся за жизнь. Он даже ночью не расставался с пистолетом. Преодолевая жгучую ненависть ко всему советскому, этот «осколок» колониального прошлого обратился за помощью в советский госпиталь. Но ничто уже не могло его спасти. «Хищник» доживал последние дни. Приехавший за ним эфиоп сказал: «Я заберу его домой. Пусть он умрет среди тех людей, которые его всю жизнь ненавидели».

Н. Китьян. Встречи у экватора. Записки врача, Ростов-на-Дону, Ростовское книжное издательство, 1961, 256 стр.

Представители старого, открыто разбойничьего колониализма доживают в Африке последние дни. Но на смену им пришли новые эксплуататоры — хищники неоколониализма. Советский врач рассказывает о них в очерке «Горький сахар». Так называют эфиопы сахар, вырабатываемый ими на голландской концессии вблизи Аддис-Абебы. Служащие-голландцы получают здесь большие оклады, живут в роскошных коттеджах, имеют бассейн, теннисный корт и прочие блага. А основная трудящаяся масса концессии — эфиопы — ютится в жалких хижинах-тукулях, влача полуголодное существование.

Затхлому миру хищников и паразитов автор противопоставляет мужественных и великодушных людей труда. Вот эфиопка Марьям, полюбившая рабочего-итальянца Петро, нашедшего здесь свою вторую родину. Они стали мужем и женой, не посчитавшись с предрассудками его соотечественников и ее родственников.

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ ЛУЦКИЙ

(1906—1962)

Семнадцатого декабря 1962 года скончался видный советский историк-арабист, кандидат исторических наук, доцент Владимир Борисович Луцкий.

В. Б. Луцкий родился 28 июня 1906 года в городе Бердянске в семье служащего. В 1930 году окончил дипломатический факультет Московского института востоковедения. С 1931 года вел большую и плодотворную научно-педагогическую работу в Московском институте востоковедения, в Ленинградском восточном институте, на историческом факультете и в Институте восточных языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Свою обширную педагогическую деятельность ученый совмещал с исследовательской работой в Международном аграрном институте, в Институте истории, в Институте этнографии, в Институте Африки АН СССР.

Перу В. Б. Луцкого принадлежит более 100 научных работ по проблемам новой и новейшей истории зависимых и колониальных стран, главным образом стран Арабского Востока, более 200 научно-популярных статей в периодических и энциклопедических изданиях.

Ряд его трудов переведен на иностранные языки. В. Б. Луцкий был участником и докладчиком на сессиях и совещаниях советских арабистов, состоял членом правления Советского общества дружбы и культурной связи со странами Арабского Востока.

Владимир Борисович Луцкий был членом редколлегии журнала «Современный Восток» — «Азия и Африка сегодня» с самого начала его существования. Исключительная эрудиция Владимира Борисовича, его глубокое знание жизни народов арабских и африканских стран были огромным, неопределимым подспорьем в работе нашего журнала.

Удивительная широта научных интересов, необычайная требовательность к себе и другим, твердость и бескомпромиссность в отстаивании научной истины — таковы лишь некоторые черты его облика как ученого, гражданина и человека.

Бряд ли можно назвать хотя бы одну арабскую страну или какую-либо проблему новой и новейшей истории арабских народов, которые бы не привлекли внимание Владимира Борисовича и в изучение которых он не внес бы свой вклад. Особую ценность для советской исторической науки представляют его глубокие исследования, посвященные национально-освободительному восстанию в Сирии.

В. Б. Луцкий был не только большим ученым и страстным публицистом, но и талантливым педагогом. На его трудах и ярких лекционных курсах воспитывалось не одно поколение молодых исследователей-арабистов.

Советские востоковеды вечно будут хранить память о Владимире Борисовиче Луцком — талантливом ученом и педагоге, человеке огромных знаний, удивительной скромности и большой души.

В книге «Встречи у экватора» читатель найдет примеры патриотизма эфиопов, не останавливающихся ни перед какими жертвами ради своей родины. В феврале 1937 года, когда оккупанты, мстя за покушение на губернатора Грациани, зверски уничтожали беззащитных людей, эфиоп Дересса спрятал двух партизан, совершивших покушение. Фашисты сожгли его дом вместе с находившимися там женой и детьми. Тогда Дересса, раздав нуждавшимся оставшееся имущество, пошел по городам и деревням поднимать народ на борьбу против захватчиков. И по сей день ходит он по стране, поддерживает бедняков добрым словом, делится с ними последней коркой хлеба.

Наблюдая жизнь в Аддис-Абебе и других городах, Н. Китьян с горечью отмечает, что и сюда проникает тлетворная «культура» Запада: порнографические открытки, гангстерские фильмы, печатная макулатура, воспевающая «прелести» буржуазной цивилизации. Однако он видит и другое — рост эфиопской национальной культуры. Автор осматривает выставку ремесла и прикладного искусства страны, с упоением слушает народные песни, талантливо исполняемые молодой эфиопкой под аккомпанемент барабана. Побывал он и в молодом национальном театре, где артисты ставили патриотические пьесы своих драматургов. Н. Китьян знакомится с художником Айелу Бырру и сообщает много интересного о развитии реалистической живописи в стране. Айелу Бырру, сам учившийся во Франции, дает отповедь французским художникам-сюрреалистам, отказавшись представить свои картины на устраиваемую ими выставку в Аддис-Абебе. Решив высмеять их мазню, художник послал на выставку рисунок своего сына-дошкольника.

В Эфиопии чтят память великого русского поэта А. С. Пушкина, считая его и своим поэтом. В очерке «Наш Пушкин» автор рассказывает о молодом эфиопе, поэте Габре, лечившемся в советском госпитале. В одном из своих стихотворений Габре говорил о черном человеке, «который, попав в страну снега и бурь, родил великого сына. В нем слились суровая мудрость севера и жаркая сила африканского солнца».

Содержательная книга Н. Китьяна, удачно иллюстрированная фотографиями и рисунками, с интересом встречена советскими читателями.

Д. ВОБЛИКОВ